

18+

Азazelль

Flung out of space

Азазелль

Flung out of space

«Издательские решения»

Азазель

Flung out of space / Азазель — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834153-3

Небольшой сборник стихов за большой период юности, вдохновленный жизнью, окружающим миром, но чаще всего — удивительными людьми.

ISBN 978-5-44-834153-3

© Азазель
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
«Дождь по земле разливается...»	6
«Сегодня ночью...»	7
«Как о скалы разбивается...»	9
«Выходные проведи...»	10
«А мне говорили...»	11
«Необъятная, интересная...»	13
«Сигаретный дым...»	14
«Слушайте...»	15
«Друг уходит молча...»	16
«На заре неуклюжего августа...»	17
«Взрослого так просто...»	18
Часть вторая	20
«Солнце...»	20
«А у меня всё хорошо...»	22
«Отправили за водкой...»	23
«Когда безрадостно внутри...»	24
«Ей ужасно хотелось однажды...»	25
«В горле першит весна ...»	26
«Души...»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Flung out of space

Азazelль

© Азazelль, 2024

ISBN 978-5-4483-4153-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

«Дождь по земле разливается...»

Дождь по земле разливается
тёплой крошкой,
будто рассеянный повар
готовит обед.
Там, в небесах облака
ослепительной крошкой
ловко украсили нежный,
молочный десерт.

Листья-приправы ютятся
на пляшущих ветках,
ветер-гарсон берedit
молодое вино.
Чаши озёр накренились
от этого ветра.
Кажется миг – и вода
расползётся волной.

Запахи перемешались
в таинственной пляске,
став разношёрстной толпой,
что спешит по делам.
Время,
художник,
чуть-чуть перепутало
краски,
чтобы чудные картины
показывать нам.

Время,
художник,
уже припасает
этюды,
контуры знойного лета
искусно чертя.
Всё-таки, жизнь —
несравнимое, ясное
чудо,
бьющее прямо по сердцу,
но лишь сгоряча.

«Сегодня ночью...»

Сегодня ночью
было светло,
и небо глядело
сотнями глаз.

Меня от холода
крепко трясло,
и сыпался снег,
и слышался смех —
то звезды
шептались о нас.

Колючий ветер
сиротски плутал,
пытаясь найти
долгосрочный приют.

Он, как и мы,
бесконечно устал
сбивать с путей
простых людей,
ища свой собственный
путь.

Пушистый снег
касался лица
и рук,
обжигая частичку души.

А нам бы гореть,
гореть до конца,
даруя тепло
морозу назло.
А нам бы
по меньше
грешить.

Я знаю – зима
несёт волшебство
в наш выцветший мир,

и впредь

а нам бы веры,
а нам бы любви

и только бы раз
взлететь.

«Как о скалы разбивается...»

Как о скалы разбивается
волна,
возвращая океану
облик прежний,
так и люди забывают
имена
бесконтрольно,
легкомысленно,
небрежно.

Как сменяет тьму
пленительный рассвет,
прогоняя ночь
до следующей встречи,
так же просто
человека человек
поменяет на того,
кто интересней.

Дни несутся вскачь,
за ними – и года.
жизнь хлестает
по душе
широкой плетью.

Не привязывайтесь
к людям
никогда.
От одной разлуки
рвутся даже
цепи.

«Выходные проводи...»

Выходные проводи
отлично.

Чтобы
блеск – в глазах,
а в сердце – ритмы
побережий диких,
городов притихших,
чтобы
тело —
вихрем!
Чтобы чувства —
искрой,
чтобы слёзы —
к черту!
Всё плохое
чёркай.
Всё пустое
выбрось...
Это твой лишь выбор
провести отлично
выходные,
будни,
месяцы,

а впрочем,

проводи
как хочешь.

Только обещай мне
не остаться камнем,
не застыть течением
и не мчаться рысью
мимо уникальной
и твоей лишь
жизни.

«А мне говорили...»

А мне говорили,
что жизнь – представление,
театр, забава, игра.
В меня забивали,
как гвоздь в углубление,
систему, что
страшно стара.

Мол, где-то, в пространстве
всего мироздания
стоит многолетний архив,
и в ящике сером с названием
«Сценарии»
лежит мой
предписанный мир.

И надобно жить мне
вот с тем-то и
так-то,
работая не на себя.
А жизнь мне подкинет
препятствий порядком,
победный мотив трубя.

Я выбрала путь,
преисполненный ясностью,
где всюду
горят
огни
лишь потому,
что считала
опасными
пути,
что лежат в тени,

лишь потому,
что боялась падения,
и после него —
не встать.
Но, к счастью,
(а, может быть,
к сожалению)
мы,
люди
с великими,

странными
целями
не выучились
умирать.

«Необъятная, интересная...»

Необъятная, интересная,
не изученная до конца,
оттого – неизменно прелестная,
с неизмеренной долей свинца,
то медлительна, то стремительна,
словно зрелищное кино,
жизнь сама по себе восхитительна,
несмотря на извечные «но».

«Сигаретный дым...»

Сигаретный дым
на поверку
отдаёт синевой,
Это видно,
если смотреть
на любую его
клеточку.
Так и мы
за истиной человеческой —
наперебой.
Совершенно не зная
об истине
человеческой.

«Слушайте...»

Слушайте,
вам такое сегодня предложат по старому ящику,
не спешите листать каналы,
увидев рекламу.
Там придумали крылья,
крылья совсем настоящие,
и, без малого, даром.

Вам покажут модели на взрослого или ребёнка
самых разных цветов и в различных, причудливых
формах,
вам нашьют на них рюши и бусы искусно и тонко
за оставленный отзыв.

Вас накроют непринужденно волной аргументов,
ведь действительно крылья их чудо как хороши.
Вам того лишь не скажут, что вследствие
эксперимента
для полёта они не нужны.

«Друг уходит молча...»

Друг уходит молча,
без речей.
Без воспоминаний,
натошак.
Словно непослушливый ручей,
он бежит,
как будто он – чужак.

Друг уходит тихо,
не со зла.
Насовсем.
Шаги его легки.
Жаль, что сокрушительный
пожар
после оставляет
угольки.

«На заре неуклюжего августа...»

На заре неуклюжего августа
Зазвучали дождя мелодии.
Люди слишком высокого статуса
Держат строгие, чёрные зонтики.

А строители и ремонтники
Возвращаясь с работы, злобные
Раскрывают свинцовые зонтики
Да на дождь сквернословят, гоблины.

Фатоватые, пошлые модники —
Дамы в платьицах, денди в шляпах
Достают тёмно-синие зонтики,
Опасаясь наряды заляпать.

Недовольное солнышко хмурится,
И коты со своих подоконников
Наблюдают, как серая улица
Окунулась в палитру зонтиков.

А детишки от двух и старше
Вырываясь из рук материнских,
В серебристых лужицах пляшут,
Чтоб наделать большущие брызги!

Им приятны холодные капли,
Под дождём им куда веселей!
В этом мире разврата и пафоса
Больше всех я люблю детей.

«Взрослого так просто...»

Взрослого так просто
провести.

Стоит показать
ему кувшинки,
стоит попросить их сосчитать,
деловой и важный, без запинки
он начнет:
одна,
четыре,
пять.

Он, довольный,
насчитает сотни,
не заметив,
как вошла луна,
как проснулись
и зажглись
напротив
звезды,
что резвятся
на просторах
скрытого тенями
полотна.

Взрослого так просто
провести.

Стоит рассказать ему
о чуде,
он воскликнет
«что пошли за люди!»
схватится за голову,
затем
разъяснит десятки
теорем,
а в конце
самодовольно хмыкнет,
назовёт
наивным и чудным,
сам являясь
точно таковым.

Взрослому не говори
о счастье.

он начнет
до дрожи хохотать,
а затем серьёзно
обозлится,
примется упрямо объяснять,
что
«такого
не бывает вовсе!
Чушь такую
незачем нести.»

Ты с ним согласишься,
ведь это просто —
взрослого ещё раз
провести.

Часть вторая

«Солнце...»

Солнце,
ярко-рыжий апельсин,
выжато до самой
кислой дольки,
пал солдатик,
храбрый,
добрый,
стойкий,
потому что
был всегда один.

А в прошедшем —
тот ещё чудак,
то страдал, то грёзам
предавался,
побеждал,
но чаще —
ошибался,
чаще получалось всё
не так.

Жечь любил,
раздаривая свет,
оттого и назывался
Солнцем,
развлекал соседей
смехом звонким,
окружённый
кучкою планет.

Много поговаривать
о нем
обожали озорные
звезды.
Проносились вскользь
кометы – гроздь,
всё пытаясь
отыскать
свой дом.

И, казалось,
вечен этот свет,

и лучи не выдохнутся,
но

отчего сдаётся человек?
отчего бывает одинок?

Выцветший
и сгорбленный чудак
с множеством
прорубленных морщин
вечерами вспоминал себя —
солнце,
ярко-рыжий
апельсин.

«А у меня всё хорошо...»

А у меня всё хорошо.
Декабрь за окном.

Наряжен дом,
Горят огни,
И ёлка при параде.

Лишь, бога ради,
Снег!
Свались!
С ленивых облаков.

Укрой пушистым одеялом
Детей и стариков.

Мужчин и женщин,
Крыши, транспорт,
Угрюмые дома.

Ведь если нет снежинок нежных,
На что тогда зима?

А у меня всё хорошо.
Январь уж на носу.

Сидит себе, надменный,
Первый,
И, улыбаясь, топчет нервы,

Как топчем мы
Весенним утром
Застывшую росу.

А город в суете и спешке,
И где-то за углом
С холодным, прошлым и ненужным,
Тяжёлым багажом

Стоит Пятнадцатый, тоскливый,
Прощается, грустит.

И у меня вот
Всё паршиво,
И у меня болит.

«Отправили за водкой...»

Отправили за водкой;
это третья.
Прикинули,
отправили опять.
А в голове шумело:
«лишь бы встретить
кого-нибудь,
кто мог бы их разнять»

Просили выпить с ними,
хоть немножко,
с уст липких громко пошлости лились.
А я мешаю чай
железной ложкой,
запачкав хрупкий,
старенький сервиз.

Они кричали:
«прочь гони стеснеье,
жизнь коротка,
так поживи враздрызг»,
а у меня песочное печенье
и плитки шоколадной ровный лист.

Они стонали;
их сердца горели,
их врачевал горячий алкоголь.

Они твердили:
«рюмка, в самом деле,

способна усмирить любую боль»

Они зевали,
громко и протяжно,
мечтая поскорее разойтись.

Я вслед за ними разбиваю
чашку
и вспоминаю,
как прекрасна

жизнь.

«Когда безрадостно внутри...»

Когда безрадостно внутри,
И что-то жалобно хрипит,
Тогда спасают не стихи,
Не песен звон, не шум строки,
Не пляски осени за дверью,
Не кот пушистый на коленях,
Не добрый взгляд и не объятия,
И не любимое занятие,
Не тёплый чай, и не печенье,
И не привет от вдохновенья.
Когда безрадостно внутри,
Когда ошибка за ошибкой,
Спасает вмиг, на раз, два, три
Одна
Случайная
Улыбка.

«Ей ужасно хотелось однажды...»

Ей ужасно хотелось однажды
очнуться звездой,
осветить в одиночку сиянием
дремлющий мир.
А была она чёрной и мрачной,
огромной дырой
и глотала ночных светлячков,
одного за другим.

Ей мечталось
до дрожи в коленях
пройтись по луне
и укрыть каждый кратер
густой пеленой
волшебства,
а она находилась напротив,
на той стороне,
где по почте
в конвертах за жизнь
высылали счета.

Ей мерещилось,
будто весь мир был ей
верным рабом,
будто солнце,
планеты,
созвездья
словам её внемлют.
Ей хотелось судьбу оседлать и
кататься верхом,
а она оказалась
монеткой,
впечатанной в землю.

«В горле першит весна ...»

В горле першит весна —
Сладко-соленая нега.
Солнцем наелась сполна,
Сбросьте, пожалуйста, снега.

Ветреный день испит.
Воздух душистый – прочь.
Сквозь соловьиный писк
Вы пригласите ночь.

Терпкий, зеленый чай,
С хрустом грустит земля.
В жилах витает печаль.
Слейте немного дождя.

Прочь прогоните весну!
Жутко продрогли кости!
Просьба одна в мозгу:
Осень, пожалуйста, осень.

«Души...»

Души
расстроенный рояль
под белоснежной простынёй,
как лучшей прочности
скрижаль,
хранит,
отравленный игрой,
Шопена вечную печаль.

Укрыт от
нежеланных глаз,
от грубых пальцев
зачерствел.
Не вдохновляют
блюз и джаз,
и мелодичный,
чудный вальс
палитру клавиш не согрел.

И чужды
дерзкие сонаты,
к чертям

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.